

Szathmári István, Régi nyelvtanaink és egységesülő irodalmi nyelvünk, Budapest 1968. 453 стр.

Перед нами фундаментальное исследование основных вопросов по целой эпохе развития литературного венгерского языка: его начальной стадии, т. е. по литературному венгерскому языку XVI—XVII вв.

Автор монографии остановил свой выбор на данной теме не случайно. Известно, что в последнее время не только в Венгрии, но и во многих других странах большое внимание уделяется изучению истории родного литературного языка.

Рецензируемая монография состоит из четырех частей. Первые две части (Общие вопросы литературного языка; Характер работы и его особенности) составляют введение. В них рассматриваются: понимание термина «литературный язык», история изучения вопроса, обоснование темы, выбор материала исследования и т. д. Последний вопрос представляет особый интерес, так как автор берет сравнительно небольшой отрезок развития литературного венгерского языка (с 1527 до 1708 г., т. е. начиная с работ Я. Сильвестера и кончая орфографической разработкой Я. Чечи). К тому же и в пределах этого небольшого периода он ограничивается лишь анализом грамматик и орфографических разработок, выделяя прежде всего «ключевые» вопросы по орфографии, фонетике, морфологии (реже по лексике и стилистике). Читателю может показаться, что отрезок времени и материал, на которых построено исследование, сравнительно узки. На самом же деле такой отбор оказался весьма рациональным: выбор данного периода оправдан тем, что именно в течение XVI—XVII вв. венгерские грамматисты постепенно освобождались от влияния грамматик латинского языка и научились подходить к явлениям родного языка так, как дикто-

вал сам венгерский языковый материал (стр. 29). Ограниченный же материал дал возможность автору тщательно и глубоко изучить и проследить развитие основных фонетических и морфологических явлений, характерных для литературного венгерского языка.

Рассматривая вопрос об употреблении термина «литературный язык», а также работы, посвященные изучению развития того или иного литературного языка, И. Сатмари показывает большую осведомленность. Кроме обзора работ по венгерскому языкознанию, он касается трудов, посвященных общим вопросам литературного языка, а также и трудов, написанных по истории отдельных литературных языков. Однако нельзя не отметить, что он не уделяет достаточного внимания весьма важному вопросу о методе исследования истории литературных языков вообще, а останавливается только на специальных работах, посвященных проблемам развития литературного венгерского языка (стр. 19—22). В связи с данными вводными частями (в меньшей мере и с другими частями) хотелось бы указать на одну редакционную особенность, характерную для рецензируемой монографии (впрочем как и для ряда других работ, издаваемых в Венгрии). Как указывает сам автор (стр. 438), в список сокращений не включены работы, которые цитируются им редко. О таких работах в книге нелегко найти соответствующие библиографические данные, если в тексте они приведены сокращенно. Еще более неудобны для читателя пометы в тексте типа *i. m. (idézett mű 'указанная работа')*. Чтобы найти библиографические данные о таких работах, иногда необходимо заново просмотреть десятки страниц текста, ранее прочтенного (см., например, ссылку на работу Я. Балажа на стр. 96).

Третья, основная часть исследования начинается с обзора о зачатках литературного венгерского языка до появления первых грамматик. Характеризуя в следующем разделе экономические, политические, общественные и культурные условия в XVI—XVII вв., И. Сатмари придерживается традиционной точки зрения: на все более растущее употребление венгерского языка в литературе основное влияние оказали идеи гуманизма и распространение реформации. Как нам кажется, автор мало значения придает росту национального самосознания, которое, безусловно, играло немалую роль в усиливающемся внимании к родному языку. (Отдельные замечания И. Сатмари на стр. 51, 52, 54 по данному вопросу недостаточно вески для подчеркивания этого важного фактора).

В основной части исследования центральное место принадлежит анализу работ девяти авторов венгерских грамматик или орфографий XVI—XVII вв., причем изучение творчества каждого из них занимает десятки страниц, свидетельствующих об умении автора рецензируемой работы глубоко и всесторонне исследовать интересующий его материал. Разделы об отдельных грамматиках начинаются с изложения кратких сведений о жизни соответствующего автора, потом в хронологическом порядке рассматриваются его произведения. При этом И. Сатмари тщательно описывает общий характер труда, освещает степень его изученности, с точки зрения «ключевых особенностей» подробно рассматривает фонетические, орфографические, морфологические и другие стороны работы, большое внимание обращает на грамматические и стилистические взгляды соответствующего грамматиста. Если у последнего имеется несколько работ, И. Сатмари прослеживает эволюцию в подходе грамматиста к отдельным и общим вопросам. Раздел завершается выводами о значении творчества соответствующего грамматиста и о влиянии его трудов на последующую грамматическую литературу. Следует отметить, что по ходу исследования каждое отмеченное им орфографическое, фонетическое, морфологическое и т. д. явление И. Сатмари иллюстрирует убедительными примерами, выявляя даже его встречаемость. При этом, если,

например, какой-либо звук в изучаемых трудах изображен разными способами, если какая-либо грамматическая форма передана в разных вариантах, И. Сатмари приводит цифровые или статистические данные о соотношении указанных способов или вариантов. В ходе анализа творчества соответствующего грамматиста попутно отмечаются расхождения в его взглядах со взглядами его предшественников.

Четкое, немногословное изложение отмеченных явлений характерно для И. Сатмари. Только изредка в рецензируемой книге встречаются неточные формулировки. Например, на стр. 78 И. Сатмари пишет: «Az alanyi ragozás egyes szám 2. személyében... szabályos az -sz és az -l használat». Здесь следовало бы уточнить, что речь идет только о форме настоящего времени. На стр. 214 И. Сатмари отмечает, что в работе Сенци Мольнара к прилагательным, оканчивающимся на один согласный, в качестве суффикса сравнительной и превосходной степени *-b* употребляется чаще всего без соединительного гласного, но бывает и с соединительным гласным. Однако в примерах у прилагательных на *-s* (*ekesbéknek, homályosb*) И. Сатмари приводит только вариант без соединительного гласного. Это наводит на мысль, что у прилагательных на *-s*, согласно норме, суффикс *-b* выступал без соединительного гласного (см. подобное явление в грамматике Деваи Биро, стр. 161), а употребление соединительного гласного было возможно только у других типов прилагательных.

Последняя, заключительная часть монографии содержит выводы по всему проведенному исследованию. Подведя итоги, И. Сатмари приходит к заключению, что творчество венгерских грамматистов XVI—XVII вв. разделяется на три последовательных этапа. Первый этап — это творчество Я. Сильвестера и Деваи Биро (XVI в.). Значение этих грамматистов состоит в том, что они впервые описали венгерский язык; формулируя многие правила венгерской грамматики и венгерского правописания, Я. Сильвестер и Деваи Биро в значительной мере содействовали унификации венгерского языка и возникновению языковых норм. В то же время для этих грамматистов характерно, что они «открыли» и описали только от-

дельные области грамматики венгерского языка (стр. 411). Второй этап, первая половина XVII в., связан с творчеством Сенци Мольнара, автора первой полной грамматики венгерского языка, содержащей также синтаксис и замечания по стилистике. К третьему периоду относятся труды Гелеи Катона, Комароми Чипкеша, Переслени и других грамматистов, которые уже отмечали многие тонкости в грамматике и орфографии венгерского языка.

В «Заключении» рассматриваются итоги также по развитию орфографических приемов (по отражению количественных различий у гласных и согласных, по пропорции применения фонетического и морфологического принципов в орфографии и т. д.); по фонетике прослеживается судьба наиболее характерных черт венгерского произношения в диалектах и просторечии (*i*-канье, *ē*-канье, *ō*-канье, *ū*-канье, удлинение гласных и согласных и т. д.) и постепенное приближение фонетических норм к нормам современного литературного произношения. Весьма подробно рассматривается в отражении грамматистов XVI—XVII вв. путь развития литературных норм в морфологии (по падежному и притяжательному изменению имен, употреблению вариантов суффиксов степеней сравнения, спряжению глаголов, противопоставлению глаголов с *-ik* и без *-ik*, употреблению словообразующих суффиксов). Вопросы синтаксиса в «заключении» отражены лишь частично по той причине, что грамматисты XVI—XVII вв. (кроме Сенци Мольнара) этими вопросами отдельно не занимались, а некоторые сведения о синтаксисе им приведены только в разделе морфологии. Поскольку изучение развития лексики не входило в задачи автора рецензируемой монографии, в «Заключении» отмечаются лишь отдельные варианты некоторых частей. Весьма любопытны наблюдения И. Сатмари по стилистике и культуре речи: уже в грамматической литературе XVI—XVII вв. встречается немало указаний по поводу «изящной», нейтральной или просторечивой окраски той или иной грамматической формы или способа произношения, по правильности или неправильности того или другого языкового приема. Все это дает право автору рецензируемой работы сделать вывод о том, что уже в рассматри-

ваемых грамматиках были заложены ростки дальнейших разысканий по стилистике и культуре венгерской речи.

Конец «Заключения» посвящен весьма важному вопросу: как относятся языковые нормы, выявляющиеся в грамматиках XVI—XVII вв., к состоянию языка на разных территориях его распространения и более поздних периодов его развития. От решения этого вопроса зависит определение диалектной базы рассматриваемой начальной стадии развития венгерского литературного языка. Учитывая результаты прежних исследований по языку литературных произведений XVI—XVII вв. (речь идет прежде всего о разысканиях Л. Деме и Л. Паппа), И. Сатмари приходит к выводу, что состояние языка, выявляющееся в трудах грамматистов XVI—XVII вв., в основном отражает письменный язык образованных людей того периода; однако по сравнению с литературными своего времени грамматисты выступают более последовательными и строгими передовыми борцами за упрочение новых норм. Поэтому грамматические нормы, изложенные в грамматиках XVI—XVII вв., даже ближе к современным литературным языковым нормам, чем языковое состояние, отраженное в значительной части литературных произведений конца XVIII в. (стр. 433). Второй весьма важный вывод, сделанный И. Сатмари, заключается в определении диалектной базы литературного венгерского языка XVI—XVII вв.: уже в то время в формировании литературного языка основная роль принадлежала северо-восточному диалекту (т. е. диалекту, который внес наиболее значительный вклад и в формирование современного литературного языка). Причину этого факта И. Сатмари видит в том, что на северо-восточной языковой территории были расположены основные культурные центры страны, образовавшиеся вокруг высших школ в городах Дебрецен, Шарошпатак, Кашша. Большинство из девяти грамматистов либо по происхождению, либо по работе и учебе были связаны с указанной территорией. О признании нормативной роли северо-восточного диалекта свидетельствует и то обстоятельство, что в своих работах даже представители других диалектов исходили из норм этого диалекта; более того, отклонения, допущенные в этом отношении

в грамматике Кевешди, в позднейших ее изданиях оказались исправленными.

Содержание рецензируемой книги, методы исследования, примененные ее автором, тщательность анализа материала,

ценные выводы — все это свидетельствует о том, что работа И. Сатмари принесет несомненную пользу венгерскому языкознанию.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

Raimo Anttila, Uusimman äännehistorian suunnasta ja luonteesta (= Turun Yliopiston Fonetikan Laitoksen Julkaisuja, N:o 5), 1969. 96 p.

«Uusimman...» (= U) commence par une fixation des buts du travail et des principes du choix des matériaux présentés. L'auteur mentionne qu'U est prévu surtout pour des finno-ougriens en tant que introduction dans un courant né sur la limite où se croisent la phonologie générative et la linguistique historique. La littérature référée a été choisie essentiellement parmi les études sur la phonologie générative renfermant également un aperçu des processus historiques de la langue. Quoique l'auteur marque que, pour un aperçu fondamental, les matériaux seraient encore trop frais et les résultats par conséquent ne pouvant pas être non plus considérés comme définitifs, la présentation des commentaires ci-dessous peut être quand même admissible. Le soussigné présente ses excuses, car quelques travaux nommés dans la bibliographie ne lui ont pas été accessibles.

En général, comme introduction¹ U est tout à fait admissible, quoique l'auteur ait omis quelques noms importants (Schane, Rice; il ne mentionne pas non plus le fait que les idées sémiotiques ont été utilisées, dans la linguistique historique, plus tôt et ailleurs, en Union Soviétique, par exemple, dans plusieurs travaux de Toporov et Ivanov²). Manque aussi, bien qu'Anttila traite du côté relativement mental, du moins

mental-téléologique, la référence à des travaux sur la pathologie du langage. U s'appuie sensiblement au folklore linguistique américain, c'est pourquoi quelques faits paraissent comme des imprécisions à un lecteur utilisant seulement des textes écrits.

Les références d'U à la biologie prêtent un intérêt à part. Comme ces parallèles ne sont pas considérées pour la première fois dans la linguistique, nous savons que l'étude de ce problème entraîne une certaine terminologie «téléologique» (ou bien elle en est précédée). Dans U, la partie concernant la téléologie des changements de la langue, est assez considérable, quoique l'étude spéciale ne se borne qu'à quelques phrases. Mais, ces quelques commentaires témoignent d'une interprétation très logique et naturelle des changements phonétiques. Notamment, la méthodologie scientifique préfère une théorie qui de concert avec des explications téléologiques présente des possibilités de modifications causales de celles-ci. Mais il en suit que le rationnel en tant que facteur téléologique ne peut pas être présenté dans un cas général monosémiement (en cas de monosémie, nous aboutissons toujours à une théorie soit trop simplifiée soit sans importance pratique). Les néogrammairiens ont été victimes de cette faute méthodologique, qui naturellement, est à éviter maintenant. Dans ce sens, U paraît avoir trouvé une solution juste.

Nous sommes persuadés que l'influence d'U à la finno-ougrienne ne sera pas petite.

лингвистике, Москва 1964, p. 74—87; Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы, Москва 1965.

MART REMMEL (Tallinn)

¹ En fait, U contient les introductions dans deux disciplines — dont l'une est la phonologie générative et ses aspects historiques dans le sens traditionnel, l'autre représente le courant né spécialement du développement de ces aspects historiques (ce courant est aussi connu sous le nom de néo-néogrammaire) — et la partie méthodologique de l'auteur; cette dernière est plus ou moins connue par un travail paru antérieurement.

² Voir, par exemple В. Н. Топоров, О трансформационном методе. — Трансформационный метод в структурной